

В ПАМЯТЬ О СЕМЬЕ КОНСТАНТИНА УШИНСКОГО

АВТОРЫ: Екатерина Колосова, директор музея,
Александр Крейцер, ведущий редактор музея

ФОТО: Из архива музея РГПУ им. А. И. Герцена

В скульптурном решении В. В. Лишева (постамент работы архитектора А. А. Яковлева) великий педагог предстает взору в полный рост, торжественно, величественно. Памятник был открыт в 1961 году — к 90-летию со дня смерти педагога. Ежегодно 1 сентября у памятника собирается тысяча студентов, вечерашних абитуриентов, чтобы отметить начало нового учебного года и начало нового этапа своей жизни. Сюда же, к постаменту памятника приносят цветы и выпускники, как бы мысленно получая благословение великого педагога на творческий путь.

Вполне естественно, что установлен памятник именно здесь. Кому как не будущим учителям нести идеи одного из самых народно чтимых русских педагогов, продолжать жизнь этих идей в новых исторических условиях, пропагандировать их на всех уровнях как знак и величайшую ценность отечественной педагогической школы. Не случайно в Год педагога и наставника на территории нашего университета была заложена Аллея имени К. Д. Ушинского.

Память о великом педагоге хранит и музей Герценовского университета. В фонде музея имеются фотографии и документы, связанные с семьей К. Д. Ушинского. Известно, что для него, верующего человека, семья всегда была идеалом христианства; ведь именно в семье природа подготавливает в детях возможность развития образа родителей. Семья была и остаётся самой значительной, фундаментальной частью общества, в которой пример родителей, их взгляды на мир, активность самого ребёнка служат школой его жизни.

Семейное воспитание для Ушинского есть не что иное как общественное воспитание. От того, как воспитали детей в семье, зависит сохранение народных традиций и дальнейшее историческое развитие нации. В связи с этими суждениями учёного встаёт вопрос о его собственной семье и той роли, которую она сыграла в жизни Константина Дмитриевича и его детей. Из биографии педагога известно, что жена и дети очень много помогали отцу, а свои чувства к ним он отобразил в интереснейших научных работах и детских книгах. После кончины Константина Дмитриевича вдова Надежда Семёновна осталась с пятью детьми. Самой младшей Оле было

около трёх лет. О дальнейшей судьбе детей Константина Дмитриевича долгие годы было известно очень мало, потому что судьба разбросала Ушинских по всему свету.

Фотографии, которые были переданы в дар университету уже в 1990-е годы от потомков семьи Потто (США) помогли в поисках судьбы старшей дочери Константина Дмитриевича Веры Константиновны, в замужестве Потто. Так, стало известно, что из-за революции и войны её муж Александр Потто и братья остались в Париже. Вера оказалась

Семейный портрет.
К. Д. Ушинский,
Н. С. Дорошенко
(Ушинская),
дети (слева
направо):
Павел (1852 г.),
Владимир (1861 г.),
Константин (1859 г.),
Вера (1855 г.),
Надежда (1856 г.)

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ
ПАМЯТНИК
К. Д. УШИНСКОМУ
У ГЛАВНОГО КОРПУСА
РГПУ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА
УДАЧНО ВПИСАЛСЯ
В ПАНОРАМУ
ПАРАДНОГО ВЪЕЗДА
НА УНИВЕРСИТЕТСКУЮ
ТЕРРИТОРИЮ
С НАБЕРЕЖНОЙ РЕКИ
МОЙКИ И ДАВНО СТАЛ
ПРИВЫЧНЫМ ДЛЯ
СТУДЕНТОВ
И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

К. Д. УШИНСКИЙ
1824-1870

Александр Львович Потто

Вера Константиновна и Александр Потто

Тётя и сестра Александра Потто

Хотя, по распоряжению Народного комиссара культуры А. В. Луначарского, вся мебель, книги и вещи педагога не подлежали конфискации, всё это должно было теперь храниться в одной комнате. Поэтому Вера Константиновна надеялась, что какие-то вещи удастся продать, но покупателей не находилось. Жить приходилось на заработок, который она получала, преподавая русский язык на рабфаках. Несмотря на стесненные условия жизни, в комнате Ушинских всегда царил порядок: белоснежные салфетки на столе, накрахмаленные простыни.

Ушинским повезло — одна из соседок оказалась из дворянской семьи и владела французским языком. Елена Фёдоровна и Вера Константиновна подружились. Много лет спустя дочь Елены Фёдоровны Ирина Левитская поделилась своими воспоминаниями о матери и дочери Потто. Особенно тяжело пришлось Натали. Ей всё было чуждо: новые соседи, переселившиеся из рабочих бараков, не умели пользоваться ванной, превратив ее в склад старых вещей. А мылись в корытах и «балиях», которые вешали после мытья на стенку в коридоре. Натали презирала своих соседей и никак не могла вписаться в новый порядок, что сказалось на её психике. После смерти Веры Константиновны девушке стало ещё хуже. Салфетки, мебель постепенно перекочевали в комиссионку: жить на один паёк, который ей выделили как внучке известного педагога, было трудно. В комнате, как пишет Левитская, роились «большие зелёные мухи, потому что под её окном соседи устроили мусорную свалку: получи, буржуйка!».

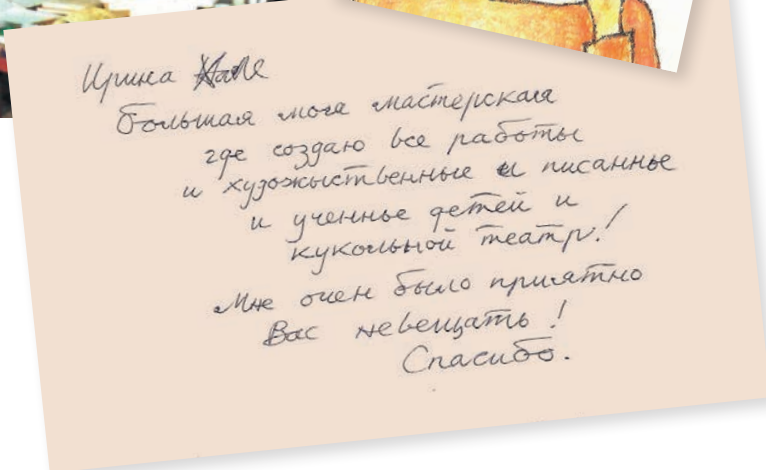
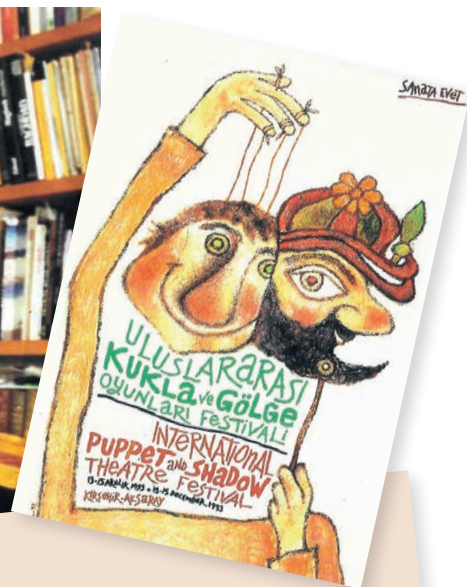
В начале 1941 года Натали пророчила о начале войны, и когда 22 июня фашисты начали бомбить Киев, никто из жильцов квартиры не удивился. А когда фашисты вошли в город, Натали Потто побежала встречать «победителей». «Осенью 1943 года, перед наступлением Красной Армии, по приказу штабкомандатуры на стенах домов появились объявления: “Всем гражданам Киева направляться на Запад! Все, кто слушается будут расстреляны!” Натали Александровна не послушалась. Она ушла, так и не поняв, что и почему произошло в стране её деда». По-видимому, она нашла родственников по линии дяди Константина, которые проживали в Бельгии. Умерла Натали в 1950 году.

Младшая дочь Константина Дмитриевича Ольга Константиновна была замужем за москвичем Михаилом Суковкиным, действительным тайным советником. В их семье после смерти старшей девочки родилось три сына и дочь. Когда началась революция, М. Суковкина направили послом в Константинополь, Ольга последовала за мужем. Двое сыновей в то время учились в Англии, а младший сын Константин и дочь Марина остались на попечении няни. Чтобы выжить в Петрограде в условиях Гражданской войны няня продавала иконы и посуду. Но в конце концов Ольге Константиновне удалось забрать детей и переехать сначала в Константинополь, затем в Париж. Жили они очень бедно, зарабатывая писанием икон. Поскольку младший сын тяжело страдал туберкулезом, семья переехала на юг Франции, в Ментон. Здесь Михаил Суковкин открыл первый русский дом для беженцев, страдающих туберкулезом. В городке был открыт и первый русский православный храм, в котором Марина Михайловна венчалась с ирландцем Патриком Валентино Буше. Затем семья Марины и Патрика переехали в Англию, где и родилась

в имении отца под Черниговом, недалеко от г. Новгород-Северского, где отдыхала с дочерью Натали. Но новая власть объявила о конфискации имении и Вере Константиновне пришлось переехать в квартиру в Киеве. Однако и там её ждал удар — квартира стала коммунальной, а бывшим хозяевам выделили лишь небольшую комнатку, бывший будуар.

Ирина Халле

в 1932 году дочь Ирина. Марина очень хорошо рисовала и её работы выставлялись в Королевской академии искусств. Вторая мировая война застала семью в Бристоле. В это время обострилась болезнь Марины: сказались события революции, когда на глазах 13-летней девочки расстреливали офицеров, тяготы эмиграции, голод. Всё это сказалось на психике. Ирина всегда была с матерью и вынуждена была с ней переехать во Францию к бабушке Ольге (умерла в 1963 году). И только спустя семь лет они вернулись к отцу и мужу. Но болезнь зашла уже слишком далеко, Марина умерла на руках у дочери.

Любовь к живописи, искусству неразрывно были связаны с профессиональной деятельностью Ирины Патрикеевны Халле. Прекрасный иллюстратор детских книг, Ирина мечтала издать рассказы своего прадеда со своими рисунками. И вот в 2023 году Ярославский педагогический университет реализовал эту мечту, но, увы, уже после кончины её автора.

В 1994 году правнучка Ушинского Ирина Халле с созданным ею детским кукольным театром «Тени и свет» приезжала из Италии в Санкт-Петербург. Она посетила наш музей и в книге отзывов оставила запись: «И вот так закончилась история нашей семьи — и грустно и радостно, как жизнь всех».

Также в музее хранится весьма интересный экспонат — каминные мраморные часы. Их передала нам в дар 18 декабря 1974 года Елена Тихоновна Желтоножская. Историю поступления часов мы уже публиковали в газете «Педагогические вести». И всё же стоит повторить её. Возможно этими часами пользовались все члены семьи К. Д. Ушинского.

Елена Тихоновна — врач по образованию, выросла в Новгород-Северске. На окраине этого города находился хуторок, принадлежащий Ушинским. Мать Елены, Вера Ивановна, тоже врач, а её сестра Надежда Ивановна, учительница, увлекающаяся историей и педагогикой, поэтому в семье любили творчество Константина Дмитриевича.

Весной 1929 года местный новгород-северский часовых дел мастер предложил Вере Ивановне купить у него мраморные каминные часы. Он рассказал, что ему эти часы принёс и продал человек, который в начале революции участвовал в разгроме хуторка Ушинских. Часы предстали перед Верой Ивановной как историческая реликвия и она их купила, а затем подарила своей дочери в связи с окончанием медицинского института. Елена Тихоновна берегла этот памятный подарок матери и, куда бы не переезжала, всюду брала с собой.

Последним перед войной её местом жительства оказался Крым. Эвакуироваться с детьми и такими тяжёлыми часами было сложно. И она оставила их в квартире. Возвратившись после войны домой, застала квартиру полностью разграбленной, многое пропало, но часы уцелели и остались невредимы. Вера Ивановна привезла их на новое место жительства в посёлок Сиверский. В юбилейный год она решила передать часы из усадьбы великого педагога в герценовский музей.

В музее хранится и переписка с новгород-северским учителем, краеведом К. И. Коломийцем, который был основателем музея К. Д. Ушинского в гимназии, где учился будущий педагог. Также музей занимается историей учебных заведений Петербурга, связанных с именем К. Д. Ушинского, в том числе и историей нашего университета.

